

кіе, полные какой-то невыразимой нѣжной грусти. Спокойная, ласковая улыбка и эти грустные глаза какъ-то странно противорѣчили грубой тюремной обстановкѣ и царившей въ тюрьмѣ нервной озлобленности.

Это лицо напомнило мнѣ что-то. Казалось, я гдѣ-то уже видѣлъ его, но гдѣ? Я вспомнилъ, что эти глаза я видѣлъ на одной старинной итальянской картинѣ.

Матвѣй былъ однимъ изъ видныхъ анархистовъ на югѣ Россіи. За нимъ числилось нѣсколько громкихъ дѣлъ, и среди товарищей онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ. Его цѣнили, какъ человѣка необыкновенной нравственной чистоты, какъ вдумчиваго анархиста и какъ дружинника выдающейся смѣлости. Мнѣ казалось страннымъ, чтобы этотъ человѣкъ съ постоянной ласковой улыбкой на устахъ и съ этимъ нѣжнымъ взглядомъ грустныхъ глазъ могъ быть хорошимъ боевикомъ. Но мнѣ рассказывали про его дѣла, про его отстрѣлы, и оказалось, что онъ дѣйствительно способенъ былъ биться, какъ левъ.

Я никогда ни раньше, ни позже не встрѣчалъ человѣка, который относился бы къ товарищамъ съ такой добротой и мягкостью, какъ Матвѣй. Онъ умѣлъ какъ-то особенно вліять даже на самыхъ дикихъ и озлобленныхъ людей. И малокультурные экспроприаторы, относившіеся къ политикѣ враждебно и вызывающе, благоговѣли передъ нимъ.

Несмотря на полное несходство характеровъ, мы быстро сошлись, и я очень цѣнилъ бесѣды съ нимъ, такъ какъ во всемъ, что онъ говорилъ, проглядывала самостоятельная, свободная мысль.

Какъ-то я высказалъ ему свое удивленіе, какъ удастся ему ладить съ совершенно дикими, нравственно-неразвитыми людьми. Онъ объяснилъ секретъ своего вліянія.

— Вы, товарищъ, какъ и всѣ, привыкли судить лю-

дей, хороши они или плохи. И, какъ судья, вы подходите къ каждому человѣку. А это озлобляетъ человѣка и дѣлаетъ его вашимъ врагомъ, хотя бы вы и ничѣмъ не оскорбили его. Судью всякій невольно ненавидитъ. Но сколько вы ни судите, вы человѣка никогда не поймете. Вы вѣдь не знаете ни того, что онъ думаетъ и чувствуетъ, ни того, какъ сталъ онъ такимъ, какимъ вы его встрѣтили. А я знаю, что никого судить я не въ силахъ и не сужу людей, какъ не сужу цвѣтовъ въ полѣ или облаковъ въ небѣ. Приговорю я не выношу никому, а принимаю всѣхъ людей, какъ они есть. Вѣдь хорошее что-нибудь есть въ каждомъ...

Въ бесѣдахъ и спорахъ со своими товарищами-анархистами Матвѣй часто возвращался къ этой темѣ: анархистъ не долженъ быть судьей, не долженъ судить человѣка.

На этой почвѣ у него выходили любопытныя разногласія съ товарищами.

Товарищи его были анархисты-коммунисты направленія заграничнаго органа «Буревѣстникъ» (довольно близкаго къ крапоткинскому ученію). Они признавали терроръ экономическій и политическій, Матвѣй же рѣшительно отрицалъ право анархистовъ прибѣгать къ личному террору.

— Вѣдь прежде, чѣмъ убить инженера, или пристава, или министра, вы обсуждаете его вину, вы судите его, вы выносите свой приговоръ. А судить человѣка анархистъ не можетъ. Судить человѣка—значитъ отрицать его свободу.

Но странно: исходя изъ этихъ положеній, Матвѣй не приходилъ къ отрицанію террора. Онъ признавалъ терроръ, какъ средство борьбы, но только особый и странный терроръ, который подъ названіемъ «безмотивнаго» проповѣдывался въ Россіи «бунтарцами». Проявленіе его былъ знаменитый взрывъ въ кофейнѣ Либмана въ Одессѣ.

— Здѣсь вы никого не судите, — защищалъ Матвѣй идею «безмотивнаго» террора. — Вамъ дѣла нѣтъ до Иванова, Сидорова, Карпова и до того, какіе они люди — плохіе или хорошіе. Вы боретесь съ буржуазіей вообще, вотъ гдѣ вашъ врагъ. Вы бросаете бомбу въ кофейную, въ толпу на улицѣ, въ театрѣ, въ вагонъ трамвая, и вамъ дѣла нѣтъ до того, кто попадетъ подъ ея осколки. Невинные пострадаютъ? Такъ что же? Вѣдь мы не судимъ, передъ нами нѣтъ виновныхъ. Всѣ невинные. Развѣ Плеве или Сипягинъ виноваты, что они были такіе, а не другіе? Убивать для анархиста — самое ужасное, но если уже нужно убивать — убивай, закрывши глаза. Какъ молнія убиваетъ, а не такъ, какъ убиваетъ судья и палачъ.

Матвѣй былъ «безмотивникомъ», т. е. принадлежалъ къ самому крайнему и нелѣпому теченію русскаго анархизма. Но, когда онъ развивалъ свои крайніе взгляды, меня охватывало странное чувство: мнѣ казалось, что этому человѣку легче было бы взойти на костеръ за свои убѣжденія, чѣмъ поднять руку на ближняго, какимъ бы злодѣемъ ни былъ этотъ ближній. И все же, повинувшись вѣщному внутреннему голосу, считая, что это нужно, онъ пойдетъ въ толпу, гдѣ будутъ и старики и дѣти, и твердой рукой, не колеблясь, броситъ бомбу, хотя каждый стонъ раненаго имъ человѣка будетъ для него мучительнѣе смерти.

Въ сужденіяхъ о людяхъ, въ бесѣдахъ на общія темы Матвѣй обнаруживалъ всегда столько чуткости и оригинальности, что я считалъ его вполне интеллигентнымъ человѣкомъ. Совершенно случайно открылъ я, что во многихъ вопросахъ Матвѣй невѣжественъ, какъ ребенокъ.

Я объяснялъ одному товарищу начала космографіи, говорилъ о шарообразности земли, о величинѣ солнца и звѣздъ. Матвѣй сидѣлъ тутъ же рядомъ и внимательно

слушалъ. Когда я кончилъ, онъ спросилъ меня съ выраженіемъ живого интереса:

— Неужто это правда, что земля — шаръ? Можетъ быть, это только предположеніе?

— Нѣтъ, это вполне точно установлено.

— Какъ же люди могли узнать это?

Я объяснилъ. Матвѣй слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, не сводя съ меня своихъ грустныхъ, удивленныхъ глазъ. Потомъ онъ спросилъ меня:

— Разскажите еще разъ, товарищъ, что вы говорили о величинѣ земли и звѣздъ.

Я удовлетворилъ его просьбу. Когда я кончилъ, онъ сказалъ:

— Какъ странно все это! Я никогда объ этомъ не думалъ... Значитъ земля наша — совсѣмъ маленькая... А человѣкъ...

Онъ умолкъ и долго въ глубокомъ раздумьѣ ходилъ по камерѣ. Меня удивило это. Я не могъ представить себѣ, чтобы человѣкъ съ живымъ умомъ, много читавшій, много выдавшій въ жизни, встрѣчавшійся постоянно съ интеллигентными людьми, никогда не слыхалъ о томъ, что такое земля.

Часа черезъ два послѣ нашего разговора Матвѣй снова подошелъ ко мнѣ.

— Я вотъ все думаю, товарищъ, о вашихъ словахъ, — сказалъ онъ. — Если все это вѣрно, то вѣдь человѣкъ — песчинка въ мірѣ. Странно!

Я спросилъ его:

— Неужели вы только отъ меня въ первый разъ узнали обо всемъ этомъ?

— Въ первый разъ... Да и то мнѣ трудно повѣрить. Я же не учился нигдѣ.

— Но развѣ въ книгахъ вы не натыкались на эти вопросы?

Матвѣй улыбнулся.

— Теперь мнѣ самому странно, что я никогда не думалъ о томъ, что такое земля. Но это такъ вышло... Меня только люди занимали, объ ихъ жизни я думалъ... А земли я какъ-то не замѣчалъ. Сегодня чуть не въ первый разъ за всю жизнь я объ этомъ задумался.

Въ тюрьмѣ Матвѣй началъ писать стихи. Эти стихи были неправильны и временами безграмотны. Но было въ этихъ стихахъ столько теплаго чувства, столько любви къ міру и столько тихой красоты, что товарищи переписывали ихъ въ тетрадки и заучивали на память.

Въ слѣдственной камерѣ я просидѣлъ вмѣстѣ съ Матвѣемъ нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ его взяли изъ камеры, переодѣли въ казенное отрепье и заковали въ кандалы, хотя судъ предстоялъ еще не скоро. Снова встрѣтилъ я его въ коридорѣ уже послѣ перехода въ башню. За то время, пока я его не видалъ, онъ сильно осунулся, исхудалъ. Въ грязномъ сѣромъ бѣльѣ, съ кандалами на ногахъ онъ какъ будто еще рѣзче выдѣлялся изъ окружающей арестантской среды. На губахъ его была прежняя добрая улыбка, а глаза смотрѣли еще печальнѣе.

Я не успѣлъ поговорить съ нимъ, но вечеромъ удалось переправить ему въ камеру маленькую записку. На другой день я получилъ отъ него отвѣтъ, который сильно удивилъ меня.

«Товарищъ, вы спрашиваете, какъ я живу. Плохо, очень плохо, дорогой товарищъ. Меня мучатъ какія-то странныя мысли, которыхъ я раньше не зналъ. Чудится, будто вся земля и эти стѣны вокругъ насъ стонутъ отъ муки, отъ страданій и преступленій, которыми люди наполнили свою жизнь. Особенно ночью, когда заснетъ тюрьма, слышенъ этотъ стонъ. Я слышу его, какъ слышу голосъ чловѣка, который говоритъ со мной. Земля ропщетъ. Земля устала и не хочетъ принимать трупы,

падающіе на нее. Кровь стоитъ кругомъ лужами. Вотъ, двинешь рукой, — пальцы уйдутъ въ липкую теплую кровь. Ступишь на землю — и ноги будутъ въ крови. И надъ всѣмъ этимъ хохотъ, какой-то ужасный хохотъ, хохотъ сатаны. Этотъ хохотъ, какъ удары молота, падаетъ въ уши. Надъ нами хохочетъ сатана, надъ нами, которые хотѣли разбить его царство. Товарищъ, дорогой товарищъ! Развѣ вы не слышите этого хохота? Мое царство вѣчно, смѣется сатана. Вы не сломите его, вы только головы свои разобьете объ стѣны, которыми я окружилъ васъ. Уже тысячи лѣтъ хохочетъ сатана, и кто услышалъ его хохотъ, тотъ, какъ безумный, бросается на него и гибнетъ. И насъ всѣхъ вель этотъ хохотъ. Насъ обманулъ этотъ хохотъ»...

Меня удивило это письмо, и первая моя мысль была, что писавшій его сошелъ съ ума. Но я вспомнилъ, какъ смотрѣлъ онъ на меня вчера на коридорѣ... Нѣтъ, онъ не сумасшедшій! Вѣроятно, онъ просто выразилъ въ аллегорической формѣ терзающую его тоску. Но что значать его слова о хохотѣ сатаны, который вель и обманулъ насъ? Неужели и онъ палъ духомъ?

Опять переправилъ я ему записку, полную словъ ободренія и дружбы. Черезъ два дня пришелъ отвѣтъ.

«Вы не поняли меня, товарищъ, — писалъ Матвѣй. — Развѣ я жалѣю о томъ пути, который я выбралъ? Нѣтъ, если бы я имѣлъ тысячу жизней, я бы всѣ ихъ прожилъ такъ же, какъ провелъ я свою короткую жизнь, и пусть всѣ они кончаются висѣлицей. Пусть всѣ они будутъ полны муки, но иначе я жить не хочу. И про своихъ погибшихъ друзей я скажу то же... Вѣдь у меня было много друзей, съ которыми у меня все было общее, — и мысли, и чувства. Всѣ они погибли, и я теперь остался одинъ, ожидая своей очереди. Они должны были погибнуть. Я самъ бы отправилъ ихъ на гибель...

Однажды на дѣлѣ мнѣ пришлось пристрѣлить раненаго товарища, чтобы онъ не попался въ руки враговъ. Онъ самъ просилъ насъ объ этомъ. Но товарищамъ тяжело было сдѣлать это, а я любилъ его, какъ родного брата. Я обнялъ его, поцѣловалъ его въ послѣдній разъ, приложилъ свой маузеръ къ его виску и выстрѣлил. Онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза, когда я стрѣлялъ, и сказалъ: «Благодарю!» Но онъ не кончилъ слова. И я смотрѣлъ ему въ глаза и видѣлъ, какъ разлетѣлся его черепъ... Легче бы было умереть сто разъ, чѣмъ сдѣлать это. Но я и теперь бы это сдѣлалъ. Мы должны были погибнуть всѣ, такъ какъ мы услышали хохотъ сатаны, и онъ звалъ насъ. Но жизнь улучшить мы не могли. Зло въ мірѣ вѣчно, такъ какъ владыка міра сатана. И онъ вызываетъ людей на борьбу съ собою только для потѣхи. Хотомъ вызываетъ ихъ впередъ и хохочетъ, когда они гибнутъ. Вѣдь бороться можно двумя оружіями: любовью и насиліемъ. Любовь — это оружіе Христа. А насиліе — оружіе сатаны. И когда мы слышимъ хохотъ сатаны, мы, какъ безумные, бросаемъ оружіе Христа, какъ безумные, хватаемся за оружіе сатаны. А сатана хохочетъ, видя наше безуміе. Мы же съ оружіемъ сатаны бросаемся на владыку міра, на князя насилія, и гибнемъ. И тогда опять хохочетъ сатана. И хохотъ его пробуждаетъ новыхъ борцовъ. Лучшіе юноши и дѣвушки идутъ на борьбу, и всѣ гибнутъ, такъ что земля не успѣваетъ впитывать кровь и принимать трупы. А хохотъ сатаны надъ землею съ каждымъ днемъ становится громче и громче. И скоро онъ заглушитъ всѣ звуки...»

Къ этому хохоту сатаны снова и снова возвращалась его измученная мысль. Повидимому, это была галлюцинація, преслѣдовавшая его.

Онъ еще нѣсколько разъ писалъ мнѣ и въ одномъ изъ писемъ пытался подвести итогъ своимъ измѣнившимся

взглядамъ. Къ моему изумленію оказалось, что онъ эволюционировалъ въ сторону толстовскаго непротивленства:

«Самымъ лѣвымъ революционеромъ, — писалъ онъ, — былъ Христосъ. И его тактика самая крайняя, самая противоположная тому, что есть. А мы, вмѣсто того, чтобы пользоваться въ борьбѣ его средствами, приняли приемы борьбы нашихъ враговъ...»

Такимъ образомъ, террористъ-«безмотивникъ» превратился въ тюремъ въ толстовца-христианина.

Отчасти его привело къ этому развитію его стараго правила — не судить человѣка. Но было въ его эволюціи также и нѣчто иное: и для него, сильнаго и смѣлаго, оказалась слишкомъ ужасной борьба съ ея безчисленными безплодными жертвами. Онъ, быть можетъ, не откасался бы отъ борьбы, если бы могъ на свои плечи принять всѣ жестокіе удары ея. Но душа его не выдержала, подъ конецъ, зрѣлища земли, залитой кровью. Нервы не выдержали ежедневныхъ казней и убійствъ. И смѣхъ подудавшаго надзирателя въ коридоръ — или, быть можетъ, смѣхъ сошедшаго съ ума смертника въ секреткѣ — смѣхъ надъ трупами породилъ въ немъ рядъ галлюцинацій. Невыносимый ужасъ жизни сломилъ его разумъ, обратилъ его къ мистикѣ и фантазмагоріямъ.

Матвѣя судили за грабежъ, въ которомъ онъ не участвовалъ. На судѣ онъ отказался отъ защиты и сказалъ всего нѣсколько словъ:

— Я не дѣлалъ этого дѣла. И вы это знаете. Но вамъ нужно повѣсить меня, какъ анархиста. Вашъ судъ — только комедія, и участвовать въ ней я не буду. Что хотите сдѣлать со мной, дѣлайте открыто и прямо.

Его, разумѣется, приговорили къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Послѣдній разъ я видѣлъ его въ окнѣ секретки наканунѣ казни. Онъ стоялъ у рѣшетки спокойный, какъ будто примиренный со всѣмъ. И когда мы

проходили мимо него, онъ смотрѣлъ на насъ своими печальными, ласковыми глазами и тихо намъ улыбался.

Я никогда не забуду ни этихъ глазъ, ни этой улыбки... Можетъ быть, именно то, что эти глаза, какъ живые, стоятъ передо мною, заставило меня такъ подробно разсказать объ этомъ загадочно-странномъ человѣкѣ.

Я припомнилъ цѣлый рядъ прошедшихъ передо мною рабочихъ, которые раньше были революціонерами, а въ тюрьмѣ эволюціонировали и рѣшили уйти отъ борьбы.

«Поправѣвшихъ» интеллигентовъ тоже встрѣчается въ тюрьмѣ не мало. И ихъ «поправѣніе» тоже принимаетъ самыя разнообразныя формы.

Чаще всего «правящіе» студенты, отказываясь отъ борьбы, мотивируютъ свой отказъ необходимостью или желаніемъ учиться. Иногда этотъ мотивъ выдвигается вполне искренно. Иногда «ученье» и интересъ къ наукѣ служатъ лишь ширмами для прикрытія самаго обыкновеннаго желанія «пристроиться».

Болѣе бойкіе, болѣе фразистые студенты охотно мотивируютъ свой отказъ отъ борьбы и отъ всякой общественной дѣятельности ссылкой на «права личности»... Общество, молъ, не должно поглощать личности. Личность живетъ для себя, повинуюсь законамъ своей воли. Я хочу жить самъ по себѣ, — значитъ такъ я и долженъ жить. Личность, достигшая извѣстной зрѣлости, просто отказывается отъ навязанныхъ ей обществомъ цѣлей и задачъ...

Все это иной разъ звучитъ гордо. Но чаще всего защитникамъ «правъ личности», которыхъ я встрѣчалъ въ тюрьмѣ, не удавалось сохранить даже внѣшней гордости, внѣшняго достоинства.

Наиболѣе дряблые изъ «поправѣвшихъ» интеллигентовъ, тѣ, у которыхъ «поправѣніе» является вмѣстѣ съ

тѣмъ и отступничествомъ, самой удобной мотивировкой своей эволюціи считаютъ соображенія о «военной хитрости», о томъ, что всѣ средства хороши, чтобы обмануть врага.

V.

„Уцѣлѣвшіе“.

Въ тюрьмѣ ежедневно разыгрывались тяжелыя драмы. Не только казни и жестокіе приговоры суда, не только издѣательства надъ заключенными, избіенія, выстрѣлы часовыхъ въ окна и вереница гробовъ, которые выносили чуть не каждый день изъ тюремной больницы, — ложились невыносимой тяжестью на душу. Еще тяжелѣе, пожалуй, были явленія психическаго упадка и разложенія, о которыхъ я говорилъ на предыдущихъ страницахъ.

Не оставалось мѣста ни для вѣры въ жизнь, ни для вѣры въ людей. Ни во что, ни въ кого нельзя было вѣрить. И это состояніе было такъ тягостно, что трудно описать его словами. Кругомъ зіяла какая-то абсолютная пустота. Люди казались призраками. И все вокругъ живыхъ и мертвыхъ, отступниковъ, предателей и людей, сохранившихъ свою стойкость и гордость — все обволакивало какой-то сѣро-красный туманъ.

Ничто уже не дѣйствовало на умъ такъ сильно, какъ прежде. Не оставалось силы ни для негодованія, ни для презрѣнія. Умирали въ груди всѣ чувства, всѣ желанія. Не оставалось ни желанія выйти на волю, ни желанія жить. Безсильно опускались руки. Пусть идетъ все такъ, какъ идетъ. Только бы скорѣе конецъ! Это было состояніе полной апатіи.

Изрѣдка оно прерывалось вспышкой мучительно страстнаго желанія жить, бороться, выйти на волю. Хотѣлось

рвать прутья желѣзной рѣшетки, зубами грызть камни стѣны. Хотѣлось рыдать отъ сознанія собственного безсилія. Тогда минувшее состояніе апатіи казалось малодушіемъ и смертью; мозгъ сверлила мысль, что при такомъ упадкѣ окончательная гибель неминуема. Это было чувство, которое, вѣроятно, является у человѣка, заснувшего летаргическимъ сномъ, ошибочно принятаго за мертвеца и опущеннаго въ землю, когда онъ просыпается въ своей могилѣ. Онъ узнаетъ, что погребенъ заживо, хочетъ кричать, хочетъ вырваться изъ могилы... Но кругомъ земля... Могила не возвращаетъ своихъ жертвъ... Онъ проснулся лишь затѣмъ, чтобы со всей ясностью ощутить свою смерть... Смерть надвигается, она неизбежна... Вотъ-вотъ, снова погаснетъ пробудившееся въ немъ сознаніе. И легче становилось, когда эта воля къ жизни снова замирала, апатія вступала въ свои права, и сѣрый туманъ опять обволакивалъ все кругомъ.

Въ этомъ туманѣ жили въ тюрьмѣ «уцѣлѣвшіе» политики, т. е. тѣ, которые сохранили свою прежнюю идеологию, не отступили отъ нея ни влѣво — въ сторону крайняго индивидуализма, ни вправо — въ сторону примиренія со зломъ, холопства и угодничества.

Я довольно долго противостоялъ дѣйствию этого тумана, довольно долго сохранялъ бодрость и боролся съ надвигавшейся апатіей. Но затѣмъ докатилась волна и до меня. Произошло это, когда изъ общей камеры меня перевели въ башню.

Здѣсь жилось сравнительно спокойно. Рѣже, чѣмъ въ общихъ камерахъ, подвергались мы оскорбленіямъ со стороны надзирателей, и во внутренней жизни не происходило у насъ тѣхъ отвратительныхъ столкновеній и ссоръ, которыя отравляли жизнь въ общихъ камерахъ. Было здѣсь чище, просторнѣе, не приходилось и голодать. Но именно здѣсь рѣзче, чѣмъ въ общей камерѣ, бросалась въ

глаза та апатія, та безнадежная усталость, во власти которой были заключенные.

Здѣсь сидѣло, кромѣ меня, семь человѣкъ — всѣ политическіе. Какъ всегда, преобладала молодежь. Старше другихъ были аграрникъ Харько и вѣчный студентъ тов. Валентинъ; имъ было за 30 лѣтъ. Но былъ среди насъ и совсѣмъ молодой 17-лѣтній паренекъ, с.-р. Жения.

Харько отбывалъ роты, но его посадили съ нами, отдѣльно отъ остальныхъ аграрниковъ, такъ какъ опасались его вліянія на темныхъ крестьянъ. Это былъ добродушный и остроумный человѣкъ, упорный и твердый во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ, но нѣсколько вялый и малоразвитой. Валентинъ, старый партійный работникъ с.-д., еще не судился. Его перевели въ башню изъ больницы, какъ безнадежно чахоточнаго. Мы знали всѣ, что онъ скоро умретъ, и онъ зналъ это, но держался мужественно, стараясь никого не обременять своей болѣзнью. Подъ слѣдствіемъ состоялъ еще и Жения, наивный живой юноша съ почти дѣтскимъ безусымъ личикомъ. Ему предстояло судиться не скоро, и онъ, какъ многіе въ N-ской тюрьмѣ, не зналъ точно, за что его будутъ судить, но съ достаточной степенью вѣроятности предвидѣлъ, къ какому наказанію его приговорятъ: на допросѣ слѣдователь объявилъ ему чуть ли не 10 различныхъ дѣлъ, изъ которыхъ каждое грозило ему висѣлицей; а при такомъ оборотѣ слѣдствія всегда приходится ожидать, что по 5—6 обвиненіямъ оправдаешься, 2—3 обвиненія слѣдователь самъ отстранитъ, какъ явно нелѣпыя, а по какому-нибудь одному обвиненію тебя все же вздернутъ. Этого ждали мы всѣ для Жени, этого ожидалъ для себя и онъ самъ.

Молодой рабочій-анархистъ Григорій тоже былъ вѣроятнымъ смертникомъ. Ему предъявили сперва обвиненіе въ принадлежности къ группѣ, но затѣмъ слѣдователь принялся вызывать его «на опознаніе», результаты кото-

раго оказались для Григорія печальными: одинъ почтальонъ призналъ его похожимъ на человѣка, участвовавшего въ ограбленіи почты; двѣ чиновницы узнали въ немъ молодого человѣка, приходившаго къ нимъ за полученіемъ 100 руб. по угрожающему письму; а одинъ старикъ изъ хохловъ показалъ, что Григорій два раза проходилъ мимо окна его хаты въ тотъ день, какъ въ ихъ деревнѣ убили урядника... Быть можетъ, при иныхъ условіяхъ все это показалось бы только забавнымъ, но въ N-ской тюрьмѣ за такими опознаніями слѣдовала неизмѣнно висѣлица.

Сравнительно менѣе печально было положеніе старосты нашей башни, рабочаго Семенова. Онъ былъ приговоренъ къ 8 годамъ каторги за принадлежность къ группѣ анархистовъ-коммунистовъ, подалъ кассационную жалобу и ждалъ теперь разсмотрѣнія ея въ Главномъ Военномъ Судѣ.

Бундовецъ Перець только что получилъ четыре года каторги и тоже кассировалъ приговоръ. Но его положеніе ухудшалось тѣмъ, что жандармы раскопали какія-то старыя его дѣлишки.

Наконецъ послѣдній обитатель нашей камеры, молодой рабочій-шахтеръ Митя Птичкинъ висѣлъ между небомъ и землей. Его могли отправить въ административную ссылку, но могли и вздернуть на висѣлицу. А всего вѣроятнѣе было, что онъ не доживетъ ни до ссылки, ни до висѣлицы: онъ кашлялъ кровью, еле двигался по камерѣ и угасалъ съ каждымъ днемъ на нашихъ глазахъ: сказывались послѣдствія побоевъ, которымъ подвергли его на первомъ допросѣ, сразу послѣ ареста.

Итакъ, мы сидѣли въ башнѣ при сравнительно благоприятныхъ условіяхъ. Сидѣли сплошь политическіе, и не было среди насъ ни ренегатовъ, ни людей, зашедшихъ слишкомъ далеко въ «полвѣѣніи», или въ усвоеніи тюремной романтики кулака. Но надъ нами вѣяла смерть. При

взглядѣ другъ на друга невольно думали мы все объ одномъ и томъ же. И о чемъ бы мы ни говорили, что бы мы ни дѣлали, все казалось ненужнымъ, лишнимъ.

Въ общихъ камерахъ, гдѣ политическіе сталкиваются съ уголовными, гдѣ революціонерамъ, уцѣлѣвшимъ среди общаго психическаго распада, приходится выдерживать стычки со своими вчерашними товарищами, отклонившимися въ сторону индивидуализма или примиренства, въ общихъ камерахъ внутренняя борьба нѣсколько прикрывается и ослабляетъ апатію и безнадежную усталость, властвующую узниками. Но здѣсь, въ башнѣ, эта апатія и усталость проявлялись во всей безысходности.

Нѣтъ чувства болѣе заразительнаго, чѣмъ это пассивное отчаяніе, и вскорѣ послѣ перехода въ башню я почувствовалъ, что оно овладѣваетъ и мною.

Сперва я старался подавить въ себѣ это чувство, старался отмахнуться отъ него, какъ отъ постыднаго малодушія. И это, какъ будто, удавалось мнѣ.

Я говорилъ себѣ:

— Вѣдь не могутъ же дѣйствовать на меня матеріальныя лишенія, которымъ я подвергаюсь въ тюрьмѣ, а моральныхъ униженій тюрьма причинить не можетъ, пока я самъ себя не запятнаю. Значить, бѣда только въ томъ, что я оказался слишкомъ близко отъ этого очага заразы, отъ этого моря униженія и страданій, отъ этого престола смерти. Бѣда въ томъ, что я принужденъ изо дня въ день видѣть и слышать такія вещи, которыхъ, при иныхъ условіяхъ, не видѣлъ бы и не слышалъ бы. Но вѣдь это не бѣда, а, пожалуй, счастье! Человѣкъ, избравшій своимъ жизненнымъ путемъ борьбу, а орудіемъ борьбы избравшій слово — долженъ все видѣть, все слышать: я здѣсь на своемъ посту. Это своего рода командировка, и я обязанъ дать обществу отчетъ обо всемъ, что увижу и услышу здѣсь. Значить, я не имѣю права опускать руки. Умъ